

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-4-141-152

АПРЕЛЬ • 2018

Постановление от 25 апреля 2018 года № 17-П по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201804270005; дата опубликования: 27.04.2018)

Правовые категории в Постановлении: уголовная ответственность; криминализация правонарушений; уголовное преследование; доказательства в уголовном судопроизводстве; принцип равенства; правовое государство.

Заявитель: Ивановский областной суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 2 примечаний к статье 264 УК РФ постольку, поскольку на его основании решается вопрос о возможности признания скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия лица находившимся в состоянии опьянения при управлении транспортным средством для применения в его отношении предусмотренных статьёй 264 УК РФ мер уголовной ответственности.

Позиция заявителя: оспариваемое положение по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, противоречит статьям 1, части 4 статьи 15, статьям 18, 19, части 1 статьи 45 и части 1 статьи 46 Конституции РФ, поскольку, не предполагая возможность подтвердить состояние опьянения иными, кроме медицинского освидетельствования, доказательствами, препятствует привлечению к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных частями второй, четвёртой и шестой статьи 264 УК РФ, лиц, скрывшихся с целью уклониться от освидетельствования с места дорожно-транспортного происшествия, что не отвечает требованиям справедливости мер уголовно-правового характера и, вопреки конституционному принципу равенства, ставит

этих лиц в преимущественное положение по сравнению с теми, чья виновность в совершении других уголовно наказуемых деяний в состоянии опьянения может быть установлена на основе иных доказательств.

Итоговый вывод решения: признать пункт 2 примечаний к статье 264 УК РФ не соответствующим Конституции РФ, её части 2 статьи 15, частям 1 и 2 статьи 19, части 3 статьи 55, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлёкшее по неосторожности предусмотренные статьёй 264 тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение — с точки зрения последствий своего поведения — по сравнению с лицами, указанными в пункте 2 примечаний к данной статье, то есть управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Федеральному законодателю надлежит не позднее чем через год после вступления в силу Постановления внести в действующее правовое регулирование ответственности за нарушение правил

дорожного движения, совершённое лицом, управлявшим транспортным средством, необходимые изменения, вытекающие из Постановления.

Впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершённое лицом, управлявшим транспортным средством, изменений, вытекающих из Постановления, сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264.

Если до установленного Постановлением срока федеральный законодатель не внесёт в правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершённое лицом, управлявшим транспортным средством, необходимых изменений, вытекающих из Постановления, пункт 2 примечаний к статье 264 УК РФ утрачивает силу.

Мотивы решения. Федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести — в силу принципа справедливости — дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определённости (см.: *Постановление от 10 февраля 2017 года № 2-П*).

Положения уголовного и административно-деликтного законодательства в области запрета управлять транспортным средством в состоянии опьянения системно согласованы и, имея целью обеспечить соблюдение данного запрета, предусматривают объективно оправданную дифференциацию публично-правовой ответственности водителей в зависимости от наступления или ненаступления в результате их общественно опасного поведения тех или иных последствий.

При наступлении тяжких последствий в результате нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения (тяжкий вред здоровью, смерть) признаки опьянения устанавливаются и оцениваются с учётом законодательно определённых правил уголовного судопроизводства, для которого нормы уголовного закона служат материально-правовой предпосылкой (см.: *Постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П*). Невозможность установить факт употребления лицом, управлявшим транспортным средством, вызывающих алкогольное опьянение веществ (по причине удалённости медицинского учреждения, отсутствия специалистов для проведения освидетельствования или экспертизы и др.)

не должна — исходя из принципа презумпции невиновности — расцениваться как допускающая выявление признака специального субъекта преступлений, предусмотренных частями второй, четвёртой и шестой статьи 264 УК РФ, иными способами.

Исключив возможность установить факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ лицом, управлявшим транспортным средством, в целях применения указанной статьи иными способами, федеральный законодатель тем самым ввёл в правовое регулирование норму, направленную на усиление ответственности за соответствующие преступления, но при этом не учитывающую нормативные условия (пределы) её применения к лицам, управлявшим транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимся с места дорожно-транспортного происшествия. В действующем правовом регулировании в случае совершения соответствующих преступлений, оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управлявшим транспортным средством, не влияет на квалификацию его противоправных действий. При таких обстоятельствах лицо, управлявшее транспортным средством и оставшееся на месте дорожно-транспортного происшествия, но отказавшееся от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, оказывается применительно к уголовной ответственности в худшем положении, нежели лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшееся с места дорожно-транспортного происшествия, что свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в законодательной дифференциации ответственности, предусмотренной статьёй 264 УК РФ, и входит в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости, а также с требованием соразмерности уголовно-правовой репрессии совершённому преступному деянию.

Однако утрата оспариваемым положением юридической силы в части, препятствующей привлечению к уголовной ответственности в соответствии с частями второй, четвёртой и шестой статьи 264 УК РФ, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия, непосредственно с момента провозглашения Постановления противоречила бы природе Конституционного Суда РФ как органа, решения которого не должны приводить к ухудшению правового положения граждан в отношениях с государством (см.: *Постановление от 11 декабря 2014 года № 32-П*). При этом и невозможность привлечения к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений лиц, оставшихся на месте дорожно-

транспортного происшествия, как последствие принятия Постановления, если и способствовала бы реализации принципов справедливости и равенства в соответствующих правоотношениях, в то же время снизила бы достигнутый уровень уголовно-правовой превенции посягательств на жизнь и здоровье в результате управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о дорожном движении от 8 ноября 1968 года (пункт 1 статьи 31); Резолюция (73) 7 Комитета Министров Совета Европы от 22 марта 1973 года «О наказании за нарушения правил дорожного движения, совершённые при управлении транспортным средством под воздействием алкоголя».

Постановление от 26 апреля 2018 года № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201804280031; дата опубликования: 28.04.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: социальное государство; государственная служба; служба в органах уголовно-исполнительной системы; договор страхования; обязательное государственное страхование; страховые выплаты; просрочка страховой выплаты; неустойка.

Заявитель: гражданин И. В. Матросов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» в части, определяющей период, за который страховщик выплачивает выгодоприобретателю неустойку за необоснованную задержку выплаты ему страховых сумм по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья в соответствии с названным Федеральным законом в случае, если право на эту выплату было предметом судебного спора.

Позиция заявителя: оспариваемое положение нарушает конституционные права, гарантированные частью 3 статьи 17, статьёй 18, частью 1 статьи 19, частью 1 статьи 46 и частями 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку позволяет исчислять время необоснованной задержки в уплате страховщиком страховой суммы, за которую предусмотрено взыскание с него штрафа в

пользу застрахованного лица (выгодоприобретателя), не со дня нарушения права этого лица на получение страховых сумм, а со дня неисполнения страховщиком вступившего в законную силу судебного решения об их присуждении.

Итоговый вывод решения: признать пункт 4 статьи 11 оспариваемого закона не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нём положение не предполагает отказ выгодоприобретателю в выплате неустойки за необоснованную задержку страховщиком выплаты страховых сумм по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья в соответствии с названным Федеральным законом за период после истечения 15-дневного срока со дня получения им от выгодоприобретателя документов для принятия решения о выплате страховых сумм со ссылкой на наличие между ними судебного спора о выплате страховых сумм, решение по которому принято в пользу выгодоприобретателя, если из состава и содержания полученных от выгодоприобретателя документов следовало, что право на получение страховых сумм возникло у выгодоприобретателя до его обращения за судебной защитой.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя на основании оспариваемого положения в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Правовой механизм осуществления страховых выплат по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья

военнослужащих и приравненных к ним лиц может быть различным, но в любом случае он должен включать эффективные гарантии прав указанных лиц, адекватные назначению данного вида страхования и характеру правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда их жизни или здоровью при прохождении службы, включая гарантии своевременного получения страхового возмещения (см.: *Постановление от 26 декабря 2002 года № 17-П*).

При заключении договора обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, застрахованные по такому договору, не могут самостоятельно обеспечить свои интересы, поскольку не являются стороной в договоре и не принимают участия в определении его условий, то есть на застрахованных лиц не распространяются в полной мере принципы, составляющие основные начала гражданского законодательства. Государство не освобождается от необходимости финансирования расходов на обязательное государственное страхование, оформления страховых случаев и других обязанностей в отношении лиц, жизни и здоровью которых причинён вред при прохождении ими военной или приравненной к ней службы, и вместе с тем не отменяет собственно договорных правоотношений по поводу возмещения вреда, причинённого жизни и здоровью застрахованных лиц, при наступлении страхового случая.

Норма-принцип статьи 309 ГК РФ, закрепляющая обязанность надлежащего исполнения обязательств и устанавливающая требования, которым оно должно соответствовать (см.: *определения от 18 апреля 2006 года № 111-О, от 19 июня 2012 года № 1135-О, от 22 января 2014 года № 48-О, от 25 сентября 2014 года № 2263-О, от 19 июля 2016 года № 1509-О*), должна соблюдаться и применительно к страховым обязательствам, предусматривающим не только обязанность страховщика уплатить страховое возмещение застрахованному лицу (выгодоприобретателю) при наступлении страхового случая, но и меры по обеспечению надлежащего исполнения страховых обязательств, а также последствия ненадлежащего их исполнения, включая необоснованную задержку (просрочку) в выплате выгодоприобретателю страховых сумм, которая создаёт угрозу нарушения широкого круга затрагиваемых ею прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ.

Предусмотренное правило об ответственности страховщика в виде неустойки, которая, являясь способом обеспечения исполнения обязательств и мерой имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, поз-

воляющим снизить вероятность нарушения прав выгодоприобретателя, выступает специальной гарантией защиты прав застрахованного лица, адекватной с точки зрения принципов равенства и справедливости положению и возможностям этого лица как наименее защищённого участника соответствующих правоотношений.

Просрочка в выплате страховых сумм определяется в таких случаях не моментом вступления судебного акта в законную силу, а моментом, с которого право выгодоприобретателя на получение страховой выплаты было нарушено вследствие неисполнения страховщиком своих обязанностей в срок, установленный законом. Иное истолкование соответствующих законоположений расходилось бы с конституционным смыслом правосудия, предназначенного обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан, а не сокращать в объёме ни сами эти права и законные интересы, ни установленные законом средства их защиты, включая неустойку за необоснованную задержку выплаты страховых сумм.

Если страховщик в ходе судебного разбирательства не докажет, что состав и содержание полученных им от выгодоприобретателя документов давали ему основания полагать, что выгодоприобретатель не имеет права на получение страховой суммы, то принятие судебного акта, которым это право было подтверждено, влечёт для него неблагоприятные последствия в виде возложения обязанности по выплате выгодоприобретателю неустойки за период после истечения 15-дневного срока со дня получения страховщиком документов, необходимых для принятия решения о выплате страховых сумм.

Иное понимание момента, с которого начинается течение срока исполнения обязанности страховщика перед выгодоприобретателем, и момента, с которого подлежит исчислению неустойка за необоснованную задержку выплаты страховых сумм, давало бы страховщику, являющемуся более сильной стороной в договоре обязательного государственного страхования, неоправданные преимущества в его взаимоотношениях с выгодоприобретателем, несоразмерно ограничивая его права, что приводило бы к нарушению баланса прав и обязанностей участников соответствующего гражданско-правового договора и, таким образом, не отвечало бы вытекающим из Конституции РФ требованиям надлежащей государственной защиты прав и законных интересов застрахованных лиц — военнослужащих и приравненных к ним лиц, которая в Российской Федерации как правовом и социальном государстве должна осуществляться на началах справедливости и юридического равенства.

МАЙ • 2018

Постановление от 22 мая 2018 года № 19-П по делу о проверке конституционности абзацев второго, третьего, десятого и двенадцатого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201805240014; дата опубликования: 24.05.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: воинская обязанность; военная служба; право на отсрочку от призыва на военную службу; социальное государство; право на образование; принцип равенства.

Заявитель: Ленинский районный суд города Санкт-Петербурга (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения абзацев второго, третьего и десятого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности предоставления отсрочки от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, в случае, когда им ранее была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу в период обучения по очной форме обучения.

Позиция заявителя: оспариваемые положения не соответствуют частям 1 и 2 статьи 19, частям 1 и 2 статьи 43 и части 3 статьи 55 Конституции РФ в той мере, в какой они не предполагают предоставления отсрочки от призыва на военную службу на период обучения по имеющим государственную аккредитацию программам среднего профессионального образования тем обучающимся по данным образовательным программам гражданам, которым отсрочка от призыва на военную службу была предоставлена в период получения ими среднего общего образования, и ставят указанную категорию граждан в заведомо неблагоприятное положение по отношению к другим категориям граждан без разумного и объективного оправдания и конституционно значимой цели.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые положения не соответствующими Конституции РФ, её части 3 статьи 17, частям 1 и 2 статьи 19, части 1 статьи 43, части 3 статьи 55 и частям 1 и 2 статьи 59 в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они,

устанавливая основания, условия и порядок предоставления отсрочек от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения, обуславливают предоставление отсрочки от призыва на военную службу гражданам, которые поступили на обучение в образовательные организации по имеющим государственную аккредитацию программам среднего профессионального образования в год получения среднего общего образования, тем обстоятельством, воспользовались ли такие граждане отсрочкой от призыва на военную службу при обучении в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего общего образования, и лишают возможности получить отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по имеющим государственную аккредитацию программам среднего профессионального образования тех из них, кто освоил имеющие государственную аккредитацию образовательные программы среднего общего образования в пределах сроков его получения, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, но вынужден был воспользоваться соответствующей отсрочкой для завершения обучения в общеобразовательной организации и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из Постановления.

Мотивы решения. Отсрочка от призыва на военную службу в связи с обучением в организации, осуществляющей образовательную деятельность, является, с одной стороны, установленной законом гарантией конституционного права на образование, а с другой — составным элементом установленного законом порядка реализации конституционной обязанности несения военной службы для определённых категорий граждан, притом что само предоставление отсрочки не означает освобождения от военной службы по призыву (см.: *Постановление от 21 октября 1999 года № 13-П*). При регулировании оснований, условий и порядка предоставления отсрочки от призыва на военную

службу в связи с обучением в организации, осуществляющей образовательную деятельность, федеральный законодатель ограничен пределами, заданными Конституцией РФ, обязывающей государство гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, а также каких бы то ни было других обстоятельств.

Осуществляя дифференциацию в правовом положении граждан в зависимости от такого критерия, как достижение определённого возраста, федеральный законодатель вправе использовать этот критерий только в случае, если он позволяет разделить граждан на объективно разные категории (см.: *Постановление от 17 апреля 2018 года № 15-П*). При этом для целей правового регулирования отсрочек от призыва на военную службу в связи с получением гражданином образования по очной форме обучения граждане, поступившие на обучение в образовательные организации по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего общего образования в возрасте от шести лет и шести месяцев до восьми лет и завершившие освоение указанных образовательных программ в пределах сроков получения среднего общего образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, должны рассматриваться как одна категория.

Оспариваемые положения ставят граждан, получивших отсрочку от призыва на военную службу, предусмотренную абзацем вторым подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», в связи с достижением ими восемнадцатилетнего возраста до окончания освоения по очной форме обучения имеющих государственную аккредитацию образовательных программ среднего общего образования в общеобразовательных организациях в пределах сроков, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, в нерав-

ное положение с относящимися к одной с ними категории гражданами, которые на момент окончания общеобразовательных организаций среднего общего образования не достигли совершеннолетия и продолжают получение образования по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию программам среднего профессионального образования. Отступление в законодательном регулировании от принципа равенства применительно к исполнению конституционных обязанностей, особенно когда оно связано с реализацией какого-либо конституционного права, имеет признаки несоразмерного (непропорционального) ограничения прав и свобод человека и гражданина; более того, наличие у одних лиц — в рамках законодательно установленных условий реализации конституционной обязанности — возможности отсрочить её исполнение может фактически приводить к получению ими преимуществ за счёт других относящихся к той же категории лиц, лишённых такой возможности и вынужденных исполнять соответствующую обязанность в полном объёме незамедлительно, что является отступлением от принципа справедливости и в итоге вступает в противоречие с запретом осуществления прав и свобод человека и гражданина вопреки правам и свободам других лиц.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из Постановления, правоприменительные органы не должны учитывать факт предоставления отсрочки от призыва на военную службу в соответствии с абзацем вторым подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» гражданину, обучающемуся по очной форме обучения в образовательной организации по имеющей государственную аккредитацию программе среднего профессионального образования, если он поступил на обучение по программе среднего профессионального образования в год получения среднего общего образования.

Постановление от 24 мая 2018 года № 20-П по делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201805250005; дата опубликования: 25.05.2018)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания

Правовые категории в Постановлении: уголовный процесс; уголовное преследование; меры пресечения; право на свободу и личную неприкосновенность; принудительное лечение в специали-

зированной медицинской организации; лишение свободы.

Заявители: гражданин Д., гражданин К. (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положение части первой статьи 435 УПК РФ постольку, поскольку на

её основании при установлении факта психического заболевания лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, суд разрешает вопрос о переводе этого лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и о сроках его содержания в такой организации.

Позиция заявителей: оспариваемое положение противоречит статье 18, части 1 статьи 21, статьям 22 и 45, части 1 статьи 46, статье 49 и частям 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ, поскольку не приравнивает содержание в психиатрическом стационаре на стадии предварительного следствия к мерам пресечения и не позволяет судам определять его порядок и сроки в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, до рассмотрения уголовного дела по существу, а также допускает возможность бессрочного содержания обвиняемых в совершении преступлений в таких стационарах.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемое положение не противоречащим Конституции РФ в той мере, в какой — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — оно предполагает, что:

в случае выявления факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, суд, принимая решение о его переводе в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, — при наличии для этого медицинских показаний, зафиксированных в заключении экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и, при необходимости, в медицинском заключении соответствующей медицинской организации, — обязан установить срок, на который данное лицо помещается в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в том числе календарную дату его истечения;

продление срока нахождения такого лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, должно осуществляться с учётом положений УПК РФ, определяющих порядок продления срока содержания под стражей, и при обеспечении ему права осуществлять предусмотренные статьями 46 и 47 данного Кодекса процессуальные права подозреваемого, обвиняемого лично (если его психическое состояние позволяет осуществлять такие права самостоятельно), а также с помощью защитника и законного представителя;

установленный судом срок, на который лицо помещается в медицинскую организацию, оказы-

вающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, во всяком случае не может рассматриваться в качестве препятствия для прекращения его нахождения в такой медицинской организации, как только отсутствие для этого оснований будет констатировано уполномоченными должностными лицами соответствующей медицинской организации;

прекращение нахождения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, лица, в отношении которого решение о переводе в такую медицинскую организацию было принято в период применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, предполагает — если на момент отпадения оснований для нахождения этого лица в соответствующей медицинской организации срок, на который была назначена данная мера пресечения, уже истёк — решение вопроса о необходимости применения к этому лицу той же или иной меры пресечения с учётом осуществляемого в отношении него уголовного преследования, с тем чтобы обеспечить выполнение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Конституционно-правовой смысл части первой статьи 435 УПК РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное её истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения в отношении заявителей, если они вынесены на основании оспоренного положения в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Ограничение свободы лица, обусловленное характером и продолжительностью психического расстройства и вызванной этим необходимостью оказания ему психиатрической помощи в медицинской организации, в том числе без его согласия, должно быть разумным и пропорциональным и вместе с тем не может, в силу принципа равенства, уменьшать объём предоставляемых такому лицу процессуальных гарантий против нарушения права на свободу и личную неприкосновенность (см.: *постановления от 24 июня 2009 года № 11-П, от 20 июля 2011 года № 20-П, от 16 июля 2015 года № 23-П; определения от 17 июля 2007 года № 511-О-О и от 21 апреля 2011 года № 592-О-О*).

Помещение лица в принудительном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, обоснованное его психическим расстройством, должно обеспечиваться процессуальными гаран-

тиями и судебным контролем, предметом которого является выявление набора юридических фактов, дающих основания как для продолжения оказания этому лицу психиатрической помощи, так и для дальнейшего производства по уголовному делу с его участием (лично или через защитника и законного представителя).

Понятие «лишение свободы», имея по своему конституционно-правовому смыслу автономное значение, охватывает собой любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения — будь то санкция за правонарушение или принудительные меры обеспечительного характера, если они фактически влекут лишение свободы, а потому они должны отвечать критериям правомерности, производным от предписаний статьи 22 Конституции РФ и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу допустимого лишения свободы; тем самым гарантии права на свободу и личную неприкосновенность распространяются на все виды лишения свободы (см.: *постановления от 16 июня 2009 года № 9-П, от 17 ноября 2016 года № 25-П и от 23 мая 2017 года № 14-П*). Соответственно, порядок помещения лица, в отношении которого избрано заключение под стражу, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в том числе в части определения сроков содержания в ней и их продления, должен соотноситься с требованиями статей 108 и 109 УПК РФ.

Законодательное регулирование сроков, на которые лицо ограничивается в праве на свободу и личную неприкосновенность, и порядка их продле-

ния является — во исполнение предписаний Конституции РФ — обязательным элементом правового механизма, призванного обеспечить защиту от неправомерного, необоснованного и несоразмерного ограничения данного конституционного права. Следовательно, суд, принимая решение, предусмотренное частью первой статьи 435 УПК РФ, обязан указать срок, на который лицо помещается в соответствующую медицинскую организацию, в том числе указать календарную дату его истечения, а продление этого срока должно осуществляться с учётом положений данного Кодекса, определяющих порядок продления срока содержания под стражей. Уполномоченные должностные лица медицинской организации должны незамедлительно информировать органы предварительного расследования об улучшении психического состояния лица настолько, что необходимость в его нахождении в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, отпадает; на основании соответствующего ходатайства суд отменяет данную процессуальную меру и одновременно — при наличии предусмотренных законом оснований — решает вопрос о необходимости применения к нему содержания под стражей или иной меры пресечения.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подпункт «е» пункта 1 статьи 5); Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, утверждённые Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция 46/119 от 17 декабря 1991 года) (пункт 1 принципа 16).

Постановление от 29 мая 2018 года № 21-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201805310018; дата опубликования: 31.05.2018).

Правовые категории в Постановлении: иностранные граждане; вид на жительство; продление срока действия вида на жительство; судебная защита; восстановление срока подачи заявления о продлении срока действия вида на жительство.

Заявитель: гражданин Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хай (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» постольку, поскольку на основании его положений

в системе действующего правового регулирования судом решается вопрос о возможности восстановления пропущенного иностранным гражданином срока подачи в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции заявления о продлении срока действия вида на жительство и документов к нему.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение не соответствует частям 1 и 2 статьи 17, части 1 статьи 21, части 1 статьи 23, статьям 45 и 46, части 2 статьи 55 Конституции РФ, поскольку не содержит указания на возможность восстанов-

ления предусмотренных им сроков и на органы, правомочные рассматривать заявление о восстановлении этих сроков, если эти сроки пропущены по уважительной причине,

Итоговый вывод решения: признать пункт 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не противоречащим Конституции РФ, поскольку его положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключают для суда, рассматривающего дело об обжаловании отказа территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере миграции, принять к рассмотрению заявление иностранного гражданина о продлении срока действия вида на жительство в Российской Федерации и документов к нему в связи с пропуском установленного законом срока подачи такого заявления, возможность — не ограничиваясь констатацией формального соответствия этого отказа закону и конкретизирующему его подзаконному правовому регулированию — восстановить пропущенный срок в случае, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что между Российской Федерацией и данным иностранным гражданином сложилась устойчивая связь, обусловленная его длительным, значительно превышающим однократный срок действия вида на жительство, проживанием в Российской Федерации на законных основаниях, а в силу объективных обстоятельств использование обычного, предусмотренного нормативным регулированием правового механизма легализации нахождения данного иностранного гражданина на территории Российской Федерации создаёт существенные риски для реализации гарантированных ему Конституцией РФ прав и свобод.

Судебные акты, вынесенные в отношении заявителя на основании оспариваемого положения в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. В силу требований Конституции РФ и корреспондирующих им положений международно-правовых актов государство правомочно использовать действенные законные средства, которые позволяли бы, следуя правомерным целям миграционной политики, определять правовой режим пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также меры ответственности, в том числе административной, за его нарушение и правила применения соответствующих мер (см.: *постановления от 17 января*

2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П).

По смыслу действующего законодательства, продление иностранному гражданину вида на жительство возможно при условии, что срок его действия ещё не истёк и, следовательно, данный иностранный гражданин законно находится на российской территории в соответствующем законном, не исчерпанном и не прерванном статусе. Закрепление такого условия в федеральном законе, хотя оно конституционными установлениями прямо не предрешиено, не предопределяет как таковое нарушения прав и законных интересов иностранных граждан. Такое условие соотносится с положениями Конституции РФ, гарантирующей право свободно передвигаться и выбирать место пребывания и жительства каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации, то есть допускающей соразмерные ограничения данного права в отношении тех иностранных граждан, статус которых не подтверждает их законного нахождения в России.

Предоставление иностранному гражданину вида на жительство в России, как правило, свидетельствует о признании государством особого правового статуса данного лица, обусловленного установлением длящихся социальных и экономических отношений его с государством на основе взаимного доверия. Государство призвано принимать необходимые меры к поддержанию лояльности таких граждан, доверия к своим действиям и к закону. В свою очередь, иностранный гражданин, испрашивая и получая право на постоянное проживание в России и законопослушно реализующая его в течение длительного времени, имеет основания ожидать, что государство не оставит без внимания и уважения качество и длительность уже сложившихся правоотношений и не лишит его этого права за единичное неисполнение обязанности по соблюдению правил миграционного учёта (см.: *постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 15 мая 2006 года № 5-П).*

По смыслу положений Конституции РФ, в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещёнными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов. Гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения

нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не оказалось ущемлённым (см.: *постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П*). Соответственно, суды, разрешая дела, связанные с отказом территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере миграции в принятии к рассмотрению заявления иностранного гражданина о продлении срока действия вида на жительство и документов к нему в случае пропуска установленного законом срока подачи такого заявления, не вправе, ссылаясь на отсутствие прямо предусмотренных действующим правовым регулированием оснований для продления пропущенного срока, ограничиваться констатацией формального соответствия этого отказа закону и конкретизирующему его подзаконному правовому регулированию, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что между Российской Федерацией и данным иностранным

гражданином сложилась устойчивая связь, обусловленная его длительным, значительно превышающим однократный срок действия вида на жительство, проживанием в Российской Федерации на законных основаниях, а в силу объективных обстоятельств использование обычного правового механизма легализации нахождения данного иностранного гражданина на территории Российской Федерации создаёт существенные риски для реализации гарантированных ему Конституцией РФ прав и свобод.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (статьи 3 и 8); Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года) (пункт 1 статьи 2).

Постановление от 31 мая 2018 года № 22-П по делу о проверке конституционности положений статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201806010004; дата опубликования: 01.06.2018).

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: налог на доходы физических лиц; военнослужащие; денежная компенсация в размере денежного содержания, выплачиваемая военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, по их просьбе за каждые положенные дополнительные сутки отдыха; принцип правовой определённости.

Заявитель: Новочеркасский гарнизонный военный суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пунктов 1 и 3 статьи 217 Налогового кодекса РФ постольку, поскольку на их основании решается вопрос об обложении налогом на доходы физических лиц денежной компенсации в размере денежного содержания, выплачиваемой военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, по их просьбе за каждые положенные дополнительные сутки отдыха в соответствии с пунктом 3 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Позиция заявителя: оспариваемые положения противоречат частям 1 и 2 статьи 19 и статье 57 Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они в силу своей неопределённости допускают обложение налогом на доходы физических лиц денежной ком-

пенсации военнослужащим, выплачиваемой по их просьбе вместо предоставления им дополнительных суток отдыха за мероприятия, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени.

Итоговый вывод решения: признать положения пунктов 1 и 3 статьи 217 Налогового кодекса РФ не соответствующими Конституции РФ, её частям 1 и 2 статьи 19, статье 57, в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не позволяют однозначно решить вопрос об обложении налогом на доходы физических лиц денежной компенсации, выплачиваемой военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, за каждые положенные дополнительные сутки отдыха в соответствии с пунктом 3 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Федеральному законодателю надлежит внести в статью 217 Налогового кодекса РФ необходимые изменения в соответствии с Постановлением.

Мотивы решения. Законы о налогах, принимаемые в целях обеспечения реализации конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, должны быть конкретными и понятными; неопределённость же норм налогового законодательства может приве-

сти к не согласующемуся с принципом правового государства произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства граждан перед законом. Акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить, причём все неустранимые сомнения, противоречия и неясности таких актов толкуются в пользу плательщика налога или сбора; неопределённость налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога (см.: *постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 30 января 2001 года № 2-П, от 22 июня 2009 года № 10-П, от 13 апреля 2016 года № 11-П и от 10 июля 2017 года № 19-П; определения от 12 июля 2006 года № 266-О, от 2 ноября 2006 года № 444-О, от 15 января 2008 года № 294-О-П*).

Освобождение от уплаты налогов представляет собой льготу, то есть исключение из принципов всеобщности и равенства налогообложения; льготы носят адресный характер, а их установление относится к законодательной прерогативе, позволяющей определять круг лиц, на которых они распространяются (см.: *Постановление от 21 марта 1997 года № 5-П; определения от 19 ноября 2015 года № 2552-О, от 29 марта 2016 года № 485-О, от 19 июля 2016 года № 1458-О*). При определении видов доходов, подлежащих освобождению от обложения данным налогом, федеральный законодатель, используя такие понятия, как «государственные пособия», «выплаты», «компенсации», «компенсационные выплаты», не уточнил, однако, их содержание и отраслевую принадлежность и не учёл то обстоятельство, что действующее законодательство наряду с термином «государственные пособия» применяет термин «пособия», а термины «выплаты», «компенсации», «компенсационные выплаты» встречаются в правовых нормах различной отраслевой принадлежности в разном значении; кроме того, действующее законодательство не содержит системной классификации выплат и компенсаций, назначаемых лицам, признаваемым государством нуждающимися в силу состояния здоровья, возраста, особого статуса и других обстоятельств в повышенной социальной защите, притом что большинство подобных выплат и компенсаций, предоставляемых гражданам за счёт бюджетных ассигнований, по своему характеру относится к мерам социальной поддержки (см.: *Постановление от 13 ап-*

реля 2016 года № 11-П). Характером обязанностей, возложенных на лиц, проходящих военную службу, обусловлено и предоставление им имеющих различную правовую природу и предусмотренных законодательством о статусе военнослужащих гарантий, компенсаций (включая денежные выплаты) и льгот.

Выплачиваемая военнослужащим, участвующим в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, денежная компенсация вместо предоставления дополнительных суток отдыха связана с прохождением службы за пределами установленного служебного времени, что может свидетельствовать в пользу её отнесения к облагаемым налогом на доходы физических лиц выплатам, и как таковая во многом сходна с регулируемой трудовым законодательством компенсацией сверхурочной работы оплатой труда в повышенном размере. Вместе с тем данная компенсация, хотя и выплачивается в пределах бюджетных средств, выделенных на денежное довольствие военнослужащих, и одновременно с его выплатой, непосредственно в структуру денежного довольствия, как она определена Федеральным законом от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (статья 2), прямо не включена, то есть — в отличие от компенсационных выплат (доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных), которые часть первая статьи 129 Трудового кодекса РФ относит к заработной плате, — она не интегрирована с очевидностью в состав оплаты труда, в отношении которой необходимость налогообложения не вызывает сомнений. Следовательно, в действующем нормативном регулировании сохраняется неопределённость в вопросе об обложении денежной компенсации, выплачиваемой военнослужащим, участвующим в мероприятиях, которые проводятся при необходимости еженедельного служебного времени, налогом на доходы физических лиц, что подтверждается и динамикой позиции по этому вопросу Министерства финансов РФ, письменными разъяснениями которого по вопросам применения законодательства о налогах и сборах обязаны руководствоваться налоговые органы.

Таким образом, в действующем правовом регулировании существует неопределённость нормативного содержания статьи 217 Налогового кодекса РФ и неоднозначность понимания её положений при решении вопроса об обложении налогом на доходы физических лиц денежной компенсации,

выплачиваемой военнослужащим по их просьбе за каждые положенные дополнительные сутки отдыха.

Учитывая, что положения данной статьи дважды за достаточно короткий срок были признаны не соответствующими Конституции РФ вследствие неопределённости предусмотренного ими нормативного регулирования, изменения, которые надлежит внести федеральному законодателю, должны носить системный характер. Впредь до внесения в статью 217 Налогового кодекса РФ надлежащих изменений её положения не могут служить основанием для обложения налогом на доходы физических лиц денежной компенсации в размере денежного содержания, выплачиваемой военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, по их просьбе за каждые положенные дополнительные сутки отдыха в соответствии с пунктом 3 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих». При этом Постановление не является основанием для возврата удержанных (уплаченных) ранее сумм налога на доходы физических лиц, за исключением возврата по резуль-

татам рассмотрения конкретного дела, в связи с которым Новочеркасский гарнизонный военный суд обратился в Конституционный Суд РФ, если для этого нет иных препятствий.

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев и Александра Урошлева.

Библиографическое описание:
Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России: № 17-П – 22-П (2018) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 141–152.

Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments Nos. 17-P – 22-P • 2018

Citation

(2018) *Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii*: Nos. 17-P – 22-P (2018) [Review of legal reasoning in the Russian Constitutional Court judgments: Nos. 17-P – 22-P (2018)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 4, pp. 141–152. (In Russian).